

На правах рукописи

Ишкильдина Линара Камиловна

**ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КОНСОНАНТИЗМА
БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ДИАЛЕКТОВ)**

10.02.02 – Языки народов Российской Федерации
(башкирский язык)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Казань – 2013

Работа выполнена в отделе языкознания Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор,
директор Федерального государственного
бюджетного учреждения науки Института
истории, языка и литературы
Уфимского научного центра РАН
Хисамитдинова Фирдаус Гильмитдиновна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
член-корреспондент РАН,
заведующая отделом урало-алтайских
языков Института языкознания РАН
Дыбо Анна Владимировна

доктор филологических наук, профессор
кафедры современного татарского языка
и методики преподавания Института
филологии и искусств ФГАОУ ВПО
«Казанский (Приволжский) федеральный
университет»
Галиуллина Гульшат Раисовна

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный
педагогический университет им. М.Акмуллы»

Защита состоится «20» июня 2013 г. в 14.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.12 при ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу: 420021, г. Казань, ул. Татарстан, д. 2, ауд. 207.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 35.

Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте Казанского (Приволжского) федерального университета: <http://www.kpfu.ru> и на сайте ВАК МОиН РФ: <http://vak.ed.gov.ru>

Автореферат разослан « » мая 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
к.ф.н., доцент

Юсупов А.Ф.

Общая характеристика работы

Реферируемое диссертационное исследование посвящено анализу исторического развития системы согласных башкирского языка, главным образом на материале башкирских диалектов.

Изучение особенностей консонантизма дает возможность для выяснения общего процесса формирования башкирского языка.

Диалект как местная разновидность языка несет в себе те или иные лингвистические явления, необходимые для восстановления исторического процесса развития языка в целом.

Башкирский разговорный язык включает в себя три территориальных диалекта: южный, восточный и северо-западный. Сравнительно-сопоставительное изучение данных диалектов и их говоров внутри башкирского языка, с одной стороны, а также с другими тюркскими и нетюркскими языками, с другой, позволяют реконструировать отдельные этапы формирования башкирского языка, в том числе его фонетической системы.

Актуальность исследования. Изучение фонетической системы в сравнительно-историческом плане является одной из наиболее актуальных проблем современной тюркологии.

Развитие системы согласных тюркских языков в общем плане более или менее изучено. Однако эволюция консонантизма по отдельным конкретным тюркским языкам нуждается в более детальных и углубленных исследованиях с привлечением диалектного материала.

Проблема развития и формирования системы согласных башкирского языка также недостаточно изучена. Поэтому исследование исторического развития консонантизма башкирского языка имеет, несомненно, важное значение как для истории башкирского языка, так и для тюркской компаративистики в целом.

В настоящее время накоплен богатый фактический материал по трем диалектам и отдельным говорам башкирского языка. В связи с этим возникает необходимость обобщения этих данных, а также результатов сравнительно-исторических работ по другим тюркским языкам и разработки новых интерпретаций звуковых изменений, произошедших в башкирском языке, и схемы фонетической эволюции, обусловленной как внутренними закономерностями, так и внешними условиями развития башкирского языка. Современный этап фонетических исследований, кроме традиционных, требует учета и объективных (экспериментальных) данных.

Таким образом, актуальность диссертационной работы обусловлена ее включенностью в круг проблем, связанных с вопросами формирования башкирского языка.

Значимость темы также заключается в том, что результаты исследования могут пролить свет на многие проблемы общекрыпчакского и общетюркского консонантизма.

Цель нашей работы состоит в комплексном анализе исторического развития согласных башкирского языка на материале диалектов и их говоров, а также в выявлении причин и закономерностей консонантных изменений и эволюций.

Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач:

- изучить и проанализировать научную литературу по данной проблематике;
- систематизировать и обобщить материал по диалектам и их говорам;
- проанализировать функционирование того или иного согласного в башкирском языке (в анлауте, инлауте и ауслауте, во внутреннем и внешнем сандхи), а также его историческое развитие;
- провести сравнительный анализ консонантной системы башкирского языка с согласными других тюркских языков, а также сопоставить с языком древнетюркских памятников;
- проследить процесс эволюции консонантизма башкирского языка по имеющимся письменным источникам.

Объектом исследования выступает система согласных фонем башкирского языка.

Предметом исследования является процесс развития и формирования состава и системы консонантных фонем башкирского языка.

Методы исследования. Основными методами исследования синхронического аспекта системы согласных башкирского языка явились описательный, аудио-визуальный, соматический (магнитно-резонансное томографирование (МРТ), метод компьютерной обработки звуков речи с использованием программы Praat. Сравнительно-исторический, ареальный, типологический методы применены для диахронического анализа.

Методологическая основа. В своей работе мы опираемся на теоретические положения в области тюркской фонетики, разработанные такими отечественными и зарубежными исследователями, как А.Г. Бишев, Т.М. Гарипов, Н.К. Дмитриев, А.В. Дыбо, Л.З. Заляй, В.М. Иллич-Свитыч, Н.Х. Ишбулатов,

Дж.Г. Киекбаев, С.Е. Малов, О.А. Мудрак, В.В. Радлов, М. Рясянен, Б.А. Серебренников, Э.Р. Тенишев, Е.И. Убрятова, Ф.Г. Хисамитдинова, Н.Н. Широбокова, А.А. Чеченов, А.М. Щербак, А.А. Юлдашев и др. При исследовании были использованы труды башкирских диалектологов, а именно, Т.Г. Баишева, М.И. Дильмухаметова, Н.Х. Максютовой, С.Ф. Миржановой, У.Ф. Надергулова, У.М. Яруллиной и др.

Источники исследования. Источником по консонантизму отдельных говоров башкирского языка послужили данные, содержащиеся в трудах диалектологов и фонетистов, диалектологических словарях башкирского языка (1967, 1970, 1987, 2002), “Диалектологическом атласе башкирского языка” (2005). Материалом явились сведения информантов (цифровые записи), полученные во время экспедиций в 2008-2011 гг. в Курганскую область РФ, Абзелиловский, Илишевский, Давлекановский районы Республики Башкортостан, а также томограммы, полученные в Институте “Международный томографический центр” СО РАН (г. Новосибирск) и описанные в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований им. В.М. Наделяева Института филологии СО РАН (г. Новосибирск) под руководством к. филол. н., с.н.с. Н.С. Уртегешева; звуковые файлы, обработанные компьютерной программой Praat.

Материалы по другим тюркским языкам и диалектам почерпнуты из общетюркологических исследований, диалектологических, толковых, этимологических и двуязычных словарей конкретных языков, “Древнетюркского словаря” (1969), “Этимологического словаря тюркских языков” в 7 томах (1974-2003), словаря М. Кашгари (2005), “Этимологического словаря алтайских языков” (2003) С.А. Старостина, А.В. Дыбо, О.А. Мудрака.

Научная новизна работы заключается в том, что в настоящей диссертации впервые в башкирском языкознании предпринимается попытка систематического изучения и обобщения обширного звукового (консонантного) материала по всем диалектам и говорам башкирского языка, представив его развитие в сравнительно-историческом плане. Новизна состоит также в определении экстралингвистических и интралингвистических причин изменения башкирской фонетики.

Впервые для башкирского языкознания в данной работе представлены выводы экспериментально-фонетических исследований, в ходе которых были сделаны определенные научные открытия,

например, были выяснены артикуляторные особенности так называемых “интердентальных” «с» и «з», конечного «w».

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что результаты исследования послужат базой при дальнейших исследованиях вопросов исторической фонетики, грамматики башкирского и других тюркских языков.

Фактический материал, полученный в ходе исследования, может использоваться для научных изысканий специалистов, занимающихся проблемами тюркской и экспериментальной фонетики.

Практическая значимость диссертации определяется тем, что материалы и выводы исследования могут быть использованы в преподавании курсов современного башкирского языка, исторической грамматики и диалектологии башкирского языка, а также сравнительно-исторической грамматики тюркских языков.

Наблюдения и выводы работы могут быть использованы при составлении учебников для школ и вузов, при разработке спецкурсов, пособий и т.д

Результаты исследования могут учитываться при составлении этимологических и двуязычных словарей.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Консонантная система башкирского языка демонстрирует как сохранение архаических черт, так и развитие инновационных признаков.

2. Система согласных башкирского языка содержит много общих черт с согласными близкородственных тюркских языков, вместе с тем она имеет генетическую связь с древнетюркским и другими дальнеродственными тюркскими языками.

3. Спецификой башкирского языка в системе тюркских языков является функционирование согласных фонем [ç], [z] и [h].

4. В консонантной системе башкирского языка имеются явления, выходящие за пределы тюркского языкового союза.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась на заседании отдела языкознания Федерального бюджетного учреждения науки Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН.

Основные положения и выводы диссертации были изложены и обсуждены на международных, всероссийских и межрегиональных научно-практических конференциях: “Урал-Алтай: через века в будущее” (Уфа, 2010, 2012), “Актуальные проблемы диалектологии языков народов России” (Уфа, 2010, 2011), “Тумашевские чтения: актуальные проблемы тюркологии” (Тюмень, 2010), “Городские

башкиры: традиции и современное общество” (Октябрьский, 2010), IV Международная научная конференция по самодистике (Новосибирск, 2010).

Содержание диссертации отражено в 21 опубликованной работе, в числе которых одно научное издание, 4 статьи в изданиях, рекомендуемых ВАК РФ.

Структура диссертационной работы состоит из введения, трех глав, заключения, списка библиографии и принятых сокращений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность выбранной темы диссертации, формулируются цели и задачи, определяется объект исследования, теоретическая и практическая значимость, обозначаются методы исследования, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава – «Теоретические предпосылки исследования исторической фонетики (консонантизм)» - состоит из трех разделов.

В первом разделе анализируются труды, объектом исследования которых явилась система консонантизма общетюркского языка, а также конкретных тюркских языков.

Начало систематического научного изучения фонетики тюркских языков было положено выдающимся лингвистом В.В. Радловым. Он опубликовал ряд монографий по грамматике, лексике и фонетике тюркских языков. В его «Фонетике северных тюркских языков» (1882) представлены научно обоснованные сведения о вокализме и консонантизме уйгурского, татарского, башкирского, казахского, киргизского, алтайского, шорского и др. языков, типы классификаций гласных и согласных звуков в этих языках. Относительно башкирского языка в данной работе отмечено существование специфического согласного «с».

Сравнительно-историческому исследованию системы согласных тюркских языков посвящены труды Н.К. Дмитриева, Н.З. Гаджиевой, В.В. Радлова, М. Рясенена, Б.А. Серебренникова, Э.Р. Тенишева, А.М. Щербака и др.

Впервые монографически фонетика башкирского языка в историческом плане рассматривалась Дж.Г. Киекбаевым (1958). Он показал основные закономерности эволюции фонетической системы

башкирского языка, в частности консонантные. Происхождение согласных «h», «ç» и «з» автор связывал с тенденцией к спирализации.

Следующей работой, посвященной изучению звуковых процессов башкирского языка, является монография Т.М. Гарипова “Кыпчакские языки Урало-Поволжья” (1979). В данном труде проводится анализ процессов исторической эволюции грамматического строя башкирского и татарского языков “с их пятью диалектами и примерно сорока говорами” [1979, 258]. В области консонантизма данных языков автор выявляет много общих черт. Например, по его мнению, анлаутные «п», «б», «т», «д», «ш», «й» и т.д. имеют совпадения, если не в литературных языках, то по их говорам и диалектам.

Описанию реликтовых явлений в башкирском языке типа “сонорный + глухой смычный” посвящена кандидатская диссертация Ф.Г. Хисамитдиновой (1980). Сочетания *лт*, *нт*, *рт*, *нк*, *ңк* сохраняются систематически “в среднем, караидельском, спорадически в таныпском, гайнинском, в ряде слов ялан-катайского подговора аргаяшского, карагай-кыпчакского подговора кызылского, в верхнебельском подговоре миасского, в говоре среднеуральских и части бурзянских башкир” [Хисамитдинова 1989, 14]. Автор отмечает данное сочетание как одно из древнейших фонетических явлений, имеющее параллели не только в тюркских, но и в уральских языках (угро-финских, самодийских).

Проблема происхождения специфических согласных башкирского языка «h», «ç» и «з» рассматривается также в научных статьях М. Рясненa (1962), Б.А. Серебренникова (1963, 1972), в монографии Ш.В. Нафикова (2003).

Особенности консонантизма диалектов и отдельных говоров башкирского языка представлены в диалектологических работах Т.Г. Баишева (1953), Н.Х. Ишбулатова (1963), Н.Х. Максютовой (1976, 1996), С.Ф. Миржановой (1967, 1979, 1991), У.Ф. Надергулова (1996), Х.Г. Юсупова (1955), У.М. Яруллиной (1959, 2009), а также в кандидатских диссертациях З.Ф. Зайнашевой (2008), Р.Ш. Алсынбаевой (2010).

Таким образом, изучение исторического развития отдельного языка не перестает быть одной из сложных и актуальных проблем как в отдельно взятых тюркских языках, так и в тюркологии в целом.

Второй раздел посвящен источникам и материалам, описывающим тюркский консонантизм.

Сравнительно-историческое исследование требует учета, в первую очередь, имеющихся письменных источников. Самыми ранними на сегодняшний день языковыми памятниками тюрков является орхоно-енисейская письменность (VIII–XI вв.).

Анализ языка древних и среднетюркских памятников (рунических, древнеуйгурских, караханидско-уйгурских, хорезмских) был осуществлен в работах Г. Айдарова (1991), А.С. Аманжолова (1980, 2003), М.А. Ахметова (1978), И.А. Батманова (1959), В.Г. Кондратьева (1970, 1981), А.Н. Кононова (1980), С.Е. Малова (1951, 1952), В.М. Насилова (1960, 1963, 1974), А.М. Щербака (1974) и др.

Сводом лексики, извлеченной из древне- и среднетюркских памятников VII–XIII вв., является “Древнетюркский словарь” (1969), составленный В.М. Наделяевым, Д.М. Насиловым, Э.Р. Тенишевым, А.М. Щербаком. Словарь содержит не только тюркскую, но и заимствованную лексику, что немаловажно в вопросе этимологизации слова.

Первым источником, упоминающим башкирский язык, является произведение Махмуда Кашгари “Диван лугат ат-турк” (1074). Автор в своей книге ставит башкир по языку ближе к огузам и кыпчакам [Кашгари 2005, 70]. Ценность данного словаря для наших исследований в том, что М. Кашгари обращает внимание на фонетические различия между тюркскими языками и проливает свет на отдельные вопросы исторического развития консонантной системы тюркских языков.

Следующими памятниками являются надписи волжских болгар (XIII–XIV вв.), найденные на территории Татарстана и Башкортостана. Исследователи (М.З. Закиев, Ф.Х. Хакимзянов, Г.В. Юсупов и др.) отмечают, что консонантизм языка болгарских эпитафий имеет много общих черт с системой консонантизма языков Урало-Поволжья (башкирского и татарского).

Собственно письменные источники башкирского языка охватывают XV–XIX вв.: это рукописи и издания на языке поволжского тюрки. Однако представление о разговорном языке дают лишь памятники XVIII–XIX вв.

Богатым материалом, отражающим территориальные языковые особенности башкир, являются рукописные и печатные словари, составленные в XVIII–XIX вв. М. Бикчуриным, В.В. Катаринским, диалектологические работы А.Г. Бессонова, М.А. Кулаева.

Важным и часто основным источником для изучения истории языка является диалектный материал или живой язык.

Данные по трем диалектам и их говорам башкирского языка содержатся в “Словаре башкирских говоров” в трех томах (1967; 1970; 1987) и сводном “Диалектологическом словаре башкирского языка” (2002). Территориальное распределение фонетических вариантов лексем башкирского языка представлено в “Диалектологическом атласе башкирского языка” (2005).

Фонетические варианты слов были извлечены также из диалектологических работ М.И. Дильмухаметова (2006), Н.Х. Ишбулатова (1963), Н.Х. Максютовой (1976, 1996), С.Ф. Миржановой (1963, 1979, 2006), У.Ф. Надергулова (1996), У.М. Яруллиной (1959, 2009) и из диссертационных исследований Ф.Г. Хисамитдиновой (1980), Р.Ш. Алсынбаевой (2010), З.Ф. Зайнашевой (2008) и др.

Кроме этого, к исследованию были привлечены этимологические словари по отдельным тюркским языкам: татарскому (Р.Г. Ахметьянов 2001, 2005), чувашскому (В.Г. Егоров 1964, М.Р. Федотов 1996), якутскому (Г.В. Попов 2003), тувинскому (Б.И. Татаринцев 2000-2004). Не остались без внимания двуязычные и диалектологические словари отдельных тюркских языков.

Материалы по пратюркским соответствиям извлекались из “Этимологического словаря алтайских языков” под авторством С.А. Старостина, А.В. Дыбо, О.А. Мудрака (2003), а также отдельных работ А.В. Дыбо (1996, 2007), И.А. Батманова (1959), С.Е. Малова (1951), М. Рясенена (1955), А.М. Щербака (1970, 2005) и др.

В третьем разделе анализируются имеющиеся классификации состава согласных фонем башкирского языка.

Впервые полную классификацию башкирских согласных дает Н.К. Дмитриев, который отмечает функционирование в башкирском литературном языке 28 согласных: *б, в, г, ɟ, д, ж, з, й, к, ɧ, л, м, н, ɲ, ɳ, ɸ, ɥ* (его мягкий вариант *ɥ*), *т, ф, х, ɬ, ц, ч, ɕ, ɕ̟*, причем *в, ф, х, ц, ч, ɕ̟* определил как заимствованные [Дмитриев 1948, 2007 19–23].

Дж.Г. Киекбаев в своей монографии “Фонетика башкирского языка” (1958) придерживается классификации Н.К. Дмитриева.

Важно заметить, что в первых работах по грамматике башкирского языка не было разграничения понятий “фонема” и “звук”, поэтому эти два термина в них применяются не совсем корректно.

В “Грамматике современного литературного башкирского языка” (1981) под редакцией А.А. Юлдашева вводятся термины “фонема” и “аллофон”. Также в данной работе определяются 26

согласных фонем в современном башкирском литературном языке: [б], [г], [ғ], [д], [з], [ж], [з], [й], [к], [к], [л], [м], [н], [ң], [п], [р], [с], [с], [т], [у (в, у, ү)], [ш], [ф], [х], [һ], [ч], [в]. “Кроме того, в заимствованиях из русского языка представлены аффрикаты [ц] и [ш], которые в отличие от русского еще не освоены в масштабах общенародного языка <...>” [1981, 44]. К собственно башкирским относятся следующие 24 фонемы: [б], [w], [м], [п], [ф], [д], [т], [з], [с], [ш], [й], [ж], [к], [г], [к], [ғ], [х], [л], [н], [ң], [р], [з], [с], [һ]. Т.М. Гарипов в своей монографии (1979) придерживается этой классификации применительно к общешкирскому языку. В нашей работе мы также исходим из данной классификации согласных фонем.

Во второй главе – «Консонантизм башкирского языка» - проводятся структурный анализ следующих фонем башкирского языка: [б], [п], [ф], [w], [м], [т], [д], [с], [з], [ш], [л], [н], [к], [г], [й], [к], [ғ] и исследование их исторического развития.

Первый раздел посвящен губным согласным, которые в башкирском языке представлены пятью фонемами: [б], [п], [м], [w], [ф].

Анлаутный звонкий губной смычный «б» в башкирском языке восходит к пратюркскому *b. Одной из характерных особенностей говоров башкирского языка является употребление в анлауте глухого «п» вместо звонкого «б» в большинстве говоров и литературном языке. Губной консонантизм показывает существование глухого «п» большей частью в северо-западных и северо-восточных говорах, где в южных и юго-восточных выступает звонкий «б». Употребление глухого «п» обусловлено определенными комбинаторными условиями (в основном, перед «с», «ш», «т», реже переж сонорными). Например, др. гов. (лит.) *бысак* ‘нож’ – средн., ик-сакмар., ай. [пысак] – иргиз. [бысак/ пысак] – караид. [пышак] – среднеурал. [п’сак]; др. гов. (лит.) *бесән* ‘сено’ – средн., ик-сакмар., дем., ай., караид., оренб., уршак. [песән] – иргиз. [бесән / песән] ‘сено’ – среднеурал. [п’сән]; др. гов. (лит.) *бесәй* ‘кот’, ‘кошка’ – средн., ик-сакмар., дем., айск., уршак. [песәй] – караид. [песи], др. гов. (лит.) *бәрзе* ‘хариус’ – ик-юшатыр. подгов. [пәрзе] – гайн. [пәрте/ пәрде], др. гов. (лит.) *бала* ‘ребенок’ – оренб. [пала] ‘первенец’, др. гов. (лит.) *балдак* ‘кольцо’ – оренб. [палдак], др. гов. (лит.) *белеү* ‘знать’ – арг. [пелеү], др. гов. (лит.) *беләк* ‘рука’ – кыпчак. подгов. [пеләк] и т.д.

Инициальная [м] в собственно башкирской лексике реализуется на месте пратюркского *b- в результате ассимилятивного воздействия последующих носовых: пратюрк. *ben ‘я’ – баш. мин; пратюрк. *biŋ ‘тысяча’ – баш. мең; пратюрк. *bojin ‘шея’ – баш.

муйын; пратюрк. **bin* ‘садиться верхом’ – баш. *мен*; пратюрк. **burin* ‘морда’ – баш. *морон*; пратюрк. **beŋgü* ‘вечный’, ‘памятник’ – баш. *мәңге* ‘вечный’.

В отдельных говорах в многосложных словах также наблюдается назализация этимологического «б» под действием последующего сонорного или щелевого, например, др. гов. (лит.) *болдор* ‘крыльцо’ – дем. [мондор], др. гов. (лит.) *багана* ‘столб’ – средн., ик-сакмар. [мағана], др. гов. (лит.) *боз* ‘лед’ – ик-сакмар., арг., оренб. [моз]; др. гов. (лит.) *байтак* ‘довольно, достаточно’ – ай., среднеурал., караид., танып. [майтак], др. гов. (лит.) *беиә* ‘молодая поросль сосны’ – ик-сакмар., кыз., средн. [мешә] и т.д.

В говорах наблюдается и сохранение этимологического пратюркского **b-*: дем., ик-сакмар., среднеурал. [белә / белән] – др. гов. (лит.) *менән* ‘с’; среднеурал. [боронсак] – др. гов. (лит.) *морондок* ‘намордник’; среднеурал. [борондогинәй], караид. [боронток инәй] – др. гов. (лит.) *морондок инәй* ‘посаженная мать’; среднеурал. [буйынса] – др. гов. (лит.) *муйынсак* ‘женское нагрудное украшение’; среднеурал., гайн. [буйын] – др. гов. (лит.) *муйын* ‘шея’, среднеурал. [борон / брон] – танып. [борын] – др. гов. (лит.) *морон* ‘нос’, арг. [бүктәргәй] – (лит.) *мүктәрге* ‘кобчик’; сев.-зап. диал. [бәке] – др. гов. (лит.) *мәке* ‘прулубь’; караид. [банар] – др. гов. (лит.) *монар* ‘марево’ – средн. [мунар] и др.

В интервокале переход *б > м* происходит в результате регрессивной ассимиляции под воздействием последующего сонорного: др. гов. (лит.) *күбәләк* ‘бабочка’ – ик-сакмар., оренб. [күмәләк]; др. гов. (лит.) *түбән* ‘низко’ – арг., миас., сальют., среднеурал., иргиз. [түмән]; др. гов. (лит.) *табан* ‘к’ – арг., миас. [таман] и т.п.

Сочетание *рб* в инлауте стремится к ослаблению своей артикуляции как в собственных лексемах (др. гов. (лит.) *корбан* ‘лещ’ – ик-сакмар., дем., арг., бурз. [жорман балык], др. гов. (лит.) *арбау* ‘заговорить, загинотизировать’ – караид., дем. [армау]; средн. [тарбак] – др. гов. (лит.) *тармак* ‘ветвь’; др. гов. (лит.) *әрбәк-һәрбәк* ‘еле-еле’ – гов. [эрмәк-һөрмәк], кыз., средн. [әрбәнде / әрбәнте] – др. гов. (лит.) *әрмәнде* ‘жаба’), так и в арабских заимствованиях (др. гов. (лит.) *корбан* ‘жертвоприношение’ – дем. [жорман]; др. гов. (лит.) *корбандык* ‘скот, предназначенный для жертвоприношения’ – арг. [жормандык]).

Пратюркский интервокальный **-p-* реализуются в башкирском языке в зависимости от долготы гласных по-разному:

1. после первичных долгих гласных **-p-* подвергается регулярному озвончению, например: пратюрк. **kiāpak* ‘веко’ – баш. *кабак*, пратюрк. **ōri* ‘вихрь (водоворот), пучина’ – баш. диал. *уба* ‘яма, ров, пропасть, бездна’, пратюрк. **kāran* ‘кабан’ – баш. *кабан*, пратюрк. **dāran* ‘подошва’ – баш. *табан* и др. В большинстве говоров инлаутная фонема [б] произносится в форме губно-губного плоскощелевого согласного «β» (на письме *б*), который является орфоэпической нормой.

2. После кратких гласных наблюдается сохранение «п»: пратюрк. **kōpür* ‘мост’ – турк. *köpri* ‘мост’ – баш. *күпер*, пратюрк. **čapan* ‘род плаща’ – турк. диал. *чапан* ‘халат’ – баш. *сапан*, пратюрк. **sipür-* ‘мести, подметать’ – як. *сиппий* – турк. *сүпүрмек* – баш. *һеһер-*: но караид. [сыбырыу]; як. *сиппир* ‘веник’ – турк. *сүпүргү* – баш. (лит.) *һеһертке* ‘метелка’: но караид. [сыбырткы]; пратюрк. **karak* ‘бука, пугало’ – баш. *канаж*; турк. диал. *ана* ‘мать’ – баш. *анай* ‘старшая сестра’; турк. *абага* ‘дядя (старший брат отца)’ – баш. диал. *ана* ‘дядя’; турк. *гүлби* ‘ватник, телогрейка’ – баш. *көпө* ‘стеганный ватник’; турк. *гүл* ‘хвостун, хвостовство’ – баш. *күпүк* / *күпүм* ‘чванливый, кичливый’; турк. *гапышык* ‘сомкнутый, сплошной’ – як. *хонпоһор* ‘выпуклый, выступающий’ – баш. *каньс* ‘припухлые, опущенные (о веках)’; як. *сыптах* ‘тупой’ – баш. *туһаҫ* / *туһак* ‘с тупым концом; грубый’; турк. *сыпат* ‘внешний вид, облик’ – баш. *һыһат*; турк. *чапак* ‘аплодисменты, рукоплескание’ – баш. *сәпәкәй* ‘хлопок, ладошки’ – танып. [сәбәкәй] и др.

3. Наблюдаются исключения, когда пратюркский *-*p-* озвончается и после кратких гласных в интервокальной позиции, а также после кратких гласных в позиции внутреннего сандхи: пратюрк. **jaralak* ‘сова’ – баш. *ябалак*; пратюрк. **korek* ‘собака’ – турк. *kөпек* ‘кобель, пес’ – баш. уст. *күбәк*; пратюрк. **čorur* ‘пестрый, рябой’ – турк. *чопур* ‘рябой’ – баш. *сыбар*; пратюрк. **čarak* ‘мелкая речная рыба’ – турк. *чапак* ‘вобла’ – баш. *сабак* ‘плотва’; пратюрк. **kür-i* ‘маслобойка’ – турк. диал. *гүли* ‘бочонок (для сбивания масла)’ – баш. *көбө* ‘сосуд из полого ствола дерева высотой около метра’; пратюрк. **kör-ik* ‘пена, пенка, накипь’ – турк. *көпүк* – баш. *күбек*; пратюрк. **jar-ug* ‘чепрак’ – турк. *япы* ‘покрывало, крышка’ – як. *сабыы* ‘покрывало’ – баш. *ябыу* ‘покрывало’ и т.д.

Даже то небольшое количество слов с этимологическим интервокальным «п», которое сохраняется в большинстве говоров и выступает как литературная форма, претерпела соноризацию в некоторых говорах: др. гов. (лит.) *тәпәшәк* ‘низкий’ – средн., дем., караид., миас. [тәбәшәк], др. гов. (лит.) *тәпә* ‘деревянная ударная

ловушка для мелких зверей, крыс' – танып. [тэбэ], др. гов. (лит.) *бэпэй* 'ребенок' – караид., среднеурал., ай., дем., средн. [бэбэй] и др.

В отдельных говорах башкирского языка употребляется полузвонкий согласный «б» (в среднем и караидельском), который связан с артикуляционными особенностями данных территориальных групп.

Губно-губная фонема [w] в инициале исконных лексем восходит к инлаутному пратюркскому **b*. Основой лексем *вак*, *валсык*, *ваклык* и производных от них слов является древний корень – *uv* 'измельчать, крошить' (ДТС, 619) от пратюркского **ob*- 'давить, крошить, молотить, измельчать'. В говорах башкирского она звучит как *ыw*- (ее мягкий вариант *эw*'-), от которой и образовались следующие лексемы: *ыуак* > *вак* 'мелкий', *ыуалсык* > *валсык* 'крошка', *ыуатыу* > *ватыу* 'бить, разбивать'. К основе *ыw*- (*эw*') восходят такие глаголы, как *ыуыу* 'тереть, натирать', *ыуалау* и их мягкорядная пара *эүәләу* 'обкатывать, обвальять; уминать и др.', *вагайтыу* – в говорах [ывагайтыу] 'измельчать' и т.п.

Инлаутный и ауслаутный фон «w» является результатом фрикатизации пратюркских согласных **b* и **g*, главным образом в окружении заднерядных гласных: пратюрк. **jabuz* 'ничтожный, плохой, слабый' – баш. [йавыз] 'злой, зловерный', пратюрк. **jabaş* 'мягкий, кроткий' – баш. [йываш] 'кроткий, смирный, безропотный', пратюрк. **ab* 'охота' – баш. [aw], пратюрк. **sub* 'вода' – баш. [һыw]; пратюрк. **agyř* 'рот, губа, губы; устье реки, ущелье' – баш. [авыз], пратюрк. **iagyr* 'тяжелый' – баш. [авыр], пратюрк. **agur* 'молозиво' – баш. [ымыз]; пратюрк. **ag* 'сеть' – баш. [aw], пратюрк. **jag*- 'идти, падать (об атмосферных осадках)' – баш. [йaw-], пратюрк. **bug* 'пар' – баш. [быw] и т.д.

Губная [ф] не является свойственной пратюркскому состоянию. Она констатируется в башкирском языке в анлауте и ауслауте в небольшом количестве звукоподражательных слов. В некоторых говорах согласный «ф» может выступать на месте сочетания *nh*: др. гов. (лит.) *тунһа* 'порог' – арг., кыз., сальют., средн. [туфа] 'порог' – арг., ик-сакмар. [дуфа] 'крыльцо'; др. гов. (лит.) *анһын* 'жены родных братьев (по отношению друг к другу)' – арг., миас., сальют., ай. [афын]; кыз., бурз. [типһэн / тифэн] 'возвышенное место'. В результате прогрессивной ассимиляции звук «һ» в сочетании *nh* под влиянием препозитивного «п» перешел в губно-губной «ф» – *пф*, подтверждением тому являются существующие варианты *тунфа*, *апфын* (ассимиляция осуществилась по месту образования согласных), что дальше дало обратную ассимиляцию, где постпозитивный «ф»

повлиял на препозитивный «п» и возникла геминанта $-фф$ (в некоторых говорах: *туффа*, *аффын*). В последующем произошло полное стяжение $фф > ф$ – *туфа*/ *дуфа*.

В разделе «Переднеязычные согласные» рассматриваются согласные [т], [д], [с], [з], [ш], [л], [н]

Для говоров башкирского языка характерно употребление анлаутного глухого «т», что отражает специфику кыпчакских языков. Звонкий вариант произношения имеет свои закономерности употребления. Картина перехода $t > d$ по говорам башкирского языка выглядит следующим образом:

1. Инициальный «т» в результате регрессивной ассимиляции под влиянием сонорного озвончается: *дала* ‘степь’, *далан* ‘счастье, удача’, *дауыл* ‘буря’, *дилбегә* ‘вожжи’, *диңгез* ‘море’, *дуңғыз* ‘свинья’, *дүрт* ‘четыре’ и др. Данные базовые лексемы, скорее всего, претерпели ослабление артикуляции в первую очередь, так как у них наблюдается широкий диапазон распространения по говорам башкирского языка. И в форме со звонким анлаутом они выступают как литературная норма.

Однако в говорах башкирского языка имеют место словоформы с инициальным «т» в позиции перед медиальным сонорным согласным, что входит в противоречие с нашими выводами. Вероятно, эти исключения связаны с поздним влиянием озвончения на «т» в данных говорах в результате ослабления мускульного напряжения при их артикулировании. Примеры: др. гов. (лит.) *талай* ‘немного, несколько’ – сакмар. [далай]; др. гов. (лит.) *тары* ‘просо’ – дем., сев.-зап. диал. [дары], др. гов. (лит.) *тамға* ‘тавро, клеймо’ – дем., ик-сакмар., вост. диал., среднеурал. [дамға]; др. гов. (лит.) *тау* ‘гора’ – средн. [дау]; др. гов. (лит.) *тирмән* ‘мельница’ – дем. [дигермән / дирмән]; др. гов. (лит.) *тән* ‘тело’ – арг., миас., сальют., ик-сакмар., дем., средн., среднеурал., уршак., оренб., иргизо-каamel. [дән]; др. гов. (лит.) *тәрән* ‘глубокий’ – дем., средн. [дирән] – ик-сакмар., среднеурал. [дэрән] и т.д.

Заемствования также включаются в процесс озвончения, например, (гр. > рус.) *талант* – сакмар. [далант], (нем. > рус.) *тампак* ‘томпак’ – дем., средн. [дампак], (араб.) *тарих* ‘история’ – миас. [дарих], (рус. > фр.) *тамбур* ‘род вышивки’ – дем. [дамбур] и др.

2. Озвончение инициального «т» фиксируется и в препозиции к шумным звонким: др. гов. (лит.) *таба* ‘сковорода’ – арг., сальют. [даба]; др. гов. (лит.) *түбә* ‘крыша, потолок’ – арг. [дүбә]; др. гов. (лит.) *туғай* ‘луг’ – ай., арг., миас., сальют., ик-сакмар., средн., дем., среднеурал. [дуғай]; др. гов. (лит.) *туғын* ‘обод’ – дем., средн., ай.,

сев.-зап. диал. [дуғын / дуғым]; др. гов. (лит.) *тәгәрмәс* ‘колесо’ – дем., миас., среднеурал. [дәгәрмәс] – арг. [дәңгәрсәк]; др. гов. (лит.) *тағы* ‘еще’ – арг., миас., ай. [дахы] и т.д.

В инлауте корневых морфем фонема [д] употребляется в немногочисленных лексемах после сонорных, что является результатом прогрессивной ассимиляции: *балдыз* ‘свояченица младшая’, *андыз* ‘девясил’, *кондоз* ‘бобр’, *күлдәк* ‘рубашка, платье’, *балдак* ‘кольцо’, *алдау* ‘обманывать’ и др. Во всех других медиальных позициях (в интервокальной, пре- и постконсонантной) реализуется его глухой коррелят «т».

В диалектной системе башкирского языка обнаруживается и сохранение раннетюркских особенностей – сочетание сонорного + глухого согласного (в основе слова и на границе внутреннего сандхи), зафиксированного в орхоно-енисейских памятниках. Данный архаизм функционирует в корне слова и в литературном языке: *алты* ‘шесть’, *балтыр* ‘икры’, *балтырған* ‘борщевик’, *һантый* ‘глупый’, *емтек* ‘падаль’, *ярты* ‘половина’ и т.д.

Переднеязычные сибиллянты в башкирском языке представлены двумя фонемами [с] и [з].

Фонема [с] (скорее всего, через ступень *ц*) от пратюрк. **с̣* употребляется во всех позициях слова, как в исконных лексемах, так и в заимствованиях.

Пратюркский **с̣* в башкирском языке не сохранился. В современном языке он имеет реализации в виде *с* и *с̣** (в диалектах). В северо-западном диалекте переход *с̣* > *ц* наблюдается не систематически. В караидельском, таныпском и нижнебельско-ыкском говорах северо-западного диалекта отмечается на месте древнетюркского *с̣* согласный «с», что характерно для говоров южного и восточного диалектов, указывая тем самым на общность черт. Ввиду отсутствия письменных источников башкирского языка более раннего периода трудно определить время образования «с» из пратюркского **с̣*. Однако можно с уверенностью утверждать, что переход **с̣* > *с* должен был происходить позже или наряду с **s* > *с̣* > *h*, иначе вновь образованный «с» также вошел бы в процесс **s* > *h*.

Анлаутный *з*- встречается в исконной лексике в небольшом количестве звукоподражаний, а в говорах может представлять собой озвончение *с* > *з* в результате регрессивной ассимиляции по звонкости под влиянием сонорного: юж. диал., вост. диал. (лит.) *сыйырсык*

* Мы обозначили графемой *с̣* звук, произносимый в северо-западном диалекте, и сходный с *ч* татарского литературного языка.

‘сковорец’ – гайн., среднеурал. [зыйырсык]; ик-сакмар. (лит.) *сыңга* ‘металлическое кольцо’ – дем. [сыңка] – мias. [зыңга]; кыз., иргиз., ток-соран. (лит.) *сәңгеу* ‘промерзать до костей, неметь от холода’ – средн. [сәңкеу] – средн., ай. [зәңгеу] – дем. [сәңкеу /зәңкеу]; др. гов. (лит.) *сам* ‘честолюбие’ – кыз. [зәм] и др.

В башкирском языке фиксируется явление ротацизма, которое наблюдается в основном в интервокальном положении: др. гов. (лит.) *сизәм* ‘целина’ – арг., дем., средн., ток-соран. [сирәм] – арг. [силәм]; др. гов. (лит.) *буза* ‘хлебный напиток’ – арг., средн. [бора] ‘закваска’; др. гов. (лит.) *йыра, йырын* ‘овражек’ – *йыза, йызын* (то же), *кайыз* ‘корье’ и *кайыр* (в том же знач.) и др.

Особо примечательно то, что пратюркский *-*r* проявляется при попадании конечного – *з* (<*-з*) в интервокальное положение: *куз* ‘глаз’ – *күреу* ‘видеть’; *һимез* ‘толстый, жирный’ – *һимереу* ‘толстеть, жиреть’; *төз* ‘прямой’ – *тура* ‘в том же знач.’, *тыгыз* – *тыгырын* ‘узкое место’.

Анлаутный «ш» в башкирском языке реализуется на месте пратюркских **s-* и **š-* в результате регрессивной ассимиляции под влиянием последующего шипящего. Например: пратюрк. **sāš-* – баш. *шаш-* ‘неистовствовать, переходить меру’; пратюрк. **siš* ‘вертел’ – баш. *шеш* ‘вертел, металлический прут’; дем. [сөшле] – др. гов. (лит.) *шөшлө* ‘кочедык’; тат. *саташу* ‘бредить’ – баш. (лит.) *һаташыу* ‘бредить’ – дем., сакмар., вост. диал. *саташыу* – среднеурал., сакмар. *шаташыу*; тат. *чырышы /шырышы* ‘ель, елка’ – баш. *шырышы*; тат. *чүкеч* ‘молоток’ – баш. (лит.) *сүкеш* – ток-соран, средн., сакмар., иргиз. [шүкеш] и т.д. Большинство лексем с анлаутным «ш» является явными булгаризмами, представленными в башкирском, татарском и чувашском языках: пратюрк. **sirt* ‘щетина’ – баш. *шырт* – тат. *шырт* ‘щетина’ – чув. *шăрт*; пратюрк. **sān* – баш. *шин-* ‘вянуть’ – тат. *шин-* – чув. *шан-* ‘вянуть’; пратюрк. **siař* ‘болото’ – баш. *шар /шарлык/ шырлык* ‘болото, болотистое место’ – тат. диал. *шар* ‘лес’ – чув. *шур/шурлăх* < др.-чув. **šar*; пратюрк. **siaka* ‘бабка, лодыжка’ – баш. диал. *шэк, шака, шакалай, шакалак, шактаяк* ‘кость, бита при игре в бабки’ / лит. *һака* – тат. *сага* / диал. *шакай* ‘щиколотка’ / менз. *шага* ‘бита, боек в игре в бабки’ – чув. *шакă* ‘таранная кость; бабки’ / *шак* ‘камешки в игре, палка в игре в чижа’ / *шек* ‘козон’ и др. Следующую группу слов с начальным «ш» занимают лексемы монгольского происхождения, а также заимствования из иносистемных языков.

Инлаутные и ауслаутные пратюркские сонорные *-*l-* и *-*n-* в башкирском языке сохраняются: др.-тюрк. *anda* ‘там’ – баш. *унда*, гов. *анда*, др.-тюрк. *sanduyaç* ‘соловей’ – баш. *һандугас*, др.-тюрк. *оп*

‘десять’ – баш. *ун*, др.-тюрк. *jorun* ‘толстый’ – баш. *йыуан*; др.-тюрк. *jil* ‘год’ – баш. *йыл*, др.-тюрк. *ол* ‘он, она, оно’ – баш. *ул* и др.

Третий раздел – «Среднеязычные» – содержит анализ трех фонем: смычных [к], [г] и щелевой [й].

Пратюркским **k-* и **g-* в башкирском соответствует среднеязычная глухая [к], что говорит в пользу кыпчакской основы. В некоторых говорах отмечается переход анлаутного **k-* > *z-*, видимо, под ассимилятивным действием следующего звонкого: др. гов. (лит.) *кәүзә* ‘стан’ – ай., сальют., бурз. [гәүзә]; др. гов. (лит.) *көбө* ‘сосуд из полого ствола дерева высотой около метра’ – средн., дем., арг., караид., нижнеб.-ык., уршак., средн. [гөбө]; др. гов. (лит.) *күгәуен* ‘слепень’ – средн. [гегәуен] и др.

Собственно пратюркский интервокальный **g-* в башкирском дал рефлексы в виде *-w-*, *-j-* и *-w, -j, -θ* в зависимости от вокалического окружения. В интервокале в заднерядных словоформах **g-* > *-w-*: пратюрк. **agur* ‘тяжелый’ – баш. *ауыр*, пратюрк. **biagur* ‘печень’ – баш. *бауыр*, пратюрк. **jag-un* ‘дождь’ – баш. *яуын*; в переднерядных – **g-* > *-j-*: пратюрк. **sögöl* (*sögil*) ‘бородавка’ – баш. *һөйәл*, пратюрк. **bögen* ‘толстая кишка’ – баш. *бөйән*, пратюрк. **böğür* ‘почки’ – баш. *бөйөр*, пратюрк. **ögür* ‘стадо, стая’ – баш. *өйөр* и т.п.

Инициальный «й» в башкирском, как и большинстве других тюркских языков (татарском, узбекском, ногайском, уйгурском, туркменском, азербайджанском, турецком и др.), считается новейшей инновацией по отношению к шипящему «ж», активно функционирующему в северо-западных и северо-восточных говорах. Пракыпчакская аффриката *ǰ* дает различные рефлексии по говорам башкирского языка в виде *жс-, й-, -θ, з-*.

Начальному «й» в некоторых говорах восточного и северо-западного диалектов, а также в среднеуральском говоре соответствуют палатализованный «ж’» (перед гласными переднего ряда) или непалатализованный «ж» (перед гласными заднего ряда). Например, юж. диал. (лит.) [йер] ‘земля’ – среднеурал., кыз., арг., кубал., сальют., миас., сев.-зап. диал. [ж’ир]; юж. диал. (лит.) [йелек] ‘спинной мозг’ – дем., среднеурал., сев.-зап. диал. [ж’илек] – дем. [ж’елек] – гайн. [ж’үлек / ж’өлөк] и т.п. Соответствие *й ~ жс* прослеживается не только в говорах башкирского языка, но и в соседствующих татарском и казахском языках. Видимо, “старый” «жк» (от *дж*) поддерживался именно из-за соседствующих “жекающих” языков – татарского и казахского, так как именно пограничные и территориально отделенные от Башкортостана говоры продолжают его сохранять.

Звонкий сибиллянт «з» является результатом дальнейшего опереднения «ж» под ассимилятивным действием следующего переднерядного гласного. Ср.: др. гов. (лит.) [йеңгә] ‘невестка’ – дем. [жиңгә] – дем., иргиз., гайн. [зиңгә]; др. гов. (лит.) [йеңеү] ‘побеждать’ – среднеурал. [жиңеү] – сев.-зап. диал. [зиңеү]; др. гов. (лит.) [йенле] ‘сумасбродный’ – гайн. [зенне], др. гов. (лит.) [йекән] ‘рогоз’ – сев.-зап. диал. [зикән], др. гов. (лит.) [йеңеү] ‘побеждать’ – среднеурал. [жиңеү] – сев.-зап. диал. [зиңеү], др. гов. (лит.) [йерек] ‘ольха’ – дем. [жирек] – арг., миас. [жирк] – сев.-зап. диал., иргиз. [зирек] и т.д.

В единичных случаях в говорах башкирского языка вместо общетюркского *j*- произносится *ð*-. Анлаутный «д» выступает большей частью в мягкорядных словоформах и включается в целый ряд соответствий по говорам *й ~ ж ~ з ~ ð*. Например, др. гов. (лит.) [йеңгәсәй] ‘красноклоп бескрылый, солдатик’ – иргиз., ик-сакмар. [диңгәзә, диңгәсәй, деңгәсәй] — сакмар., иргиз. [зиңгәсәй / зәңгәсәй] – дем. [йеңгәсәй / диңгәсәй]; др. гов. (лит.) [йейәк] ‘тесьма, лента’ – сев.-зап. диал. [дәйәк]; др. гов. (лит.) [йекән] ‘рогоз’ – арг., сальют., ай., среднеурал. [жикән] – иргиз. [дикән] – гайн. [дикан]; др. гов. (лит.) [йемләү] ‘сдобрить медовку (кислушку) сахарным песком’ – сев.-зап. диал. [димләү / зимнәү] – дем. [йемнәү / димнәү / димләү / зимләү]. Употребление анлаутного смычного «д», скорее, остаточный элемент пракрыпчакской аффрикаты *ʒ, потерявшей щелевой компонент.

Пратюркский среднеязычный сонорный *-j- в инлауте и ауслауте в говорах башкирского языка реализуется без изменений. Часто срединный и конечный «й» – результат различных переходов: *й* > *й*, *g* > *й*, *b* > *й* и др.

В разделе «Заднеязычные» рассматриваются фонемы [к], [ҕ] и [ң].

Употребление анлаутного «к» (< пратюрк. *k-) исключительно с заднерядными гласными обнаруживает связь с другими тюркскими языками и языком древнетюркских памятников.

Из-за отсутствия фонемы [х] в древнебашкирском она в начале заимствованных слов заменялась собственной [к]. К примеру, употребление «к» вместо заимствованного «х» отмечено в нижнебельско-ыкском говоре северо-западного диалекта: араб. (лит.) *хыялый* ‘сумасшедший’ – [кыйалый]; араб. (лит.) *хәтер* ‘память’ – [кәтер]; араб. (лит.) *хәзер* ‘сейчас, теперь’ – [кәзер] и др. Аналогичное явление наблюдается также в некоторых словах в оренбургском говоре южного диалекта: араб. (лит.) *хат* ‘письмо’ – [кат]; перс. (лит.) *хур* ‘позор’ – [жур].

Несмотря на то, что фонема [x] не была характерна для башкирского языка, как и для пратюркского, все же в небольшом количестве лексем произошел переход $k > x$. Примеры: др. гов. (лит.) *катын* ‘женщина’ – кыз., нижнеб.-ык., оренб., среднеурал. [хатын] – сальют. [хәтен]; др. гов. (лит.) *карындаш* ‘младшая сестра’ – арг., дем., кыз., миас., сальют., средн., среднеурал. [хәрендәш] – караид. [хәрентәш]; др. гов. (лит.) *калья* ‘кусочек мяса’ – миас. [халйа], др. гов. (лит.) *комһоз* ‘жадный’ – караид. [хомсоз]. Спирантизации подвергаются также заимствования из арабского языка: др. гов. (лит.) *карун* ‘скряга’ – гайн. [харун]; др. гов. (лит.) *кәбер* ‘могила’ – гайн., среднеурал. [хәбер]. Переход $k > x$ в анлауте – явление необычное [Berta 1989, 188]. Сказать, почему произошел переход $k > x$ в некоторых лексемах, трудно.

Позднепратюркский $-q-$ в интервокале в говорах башкирского языка, как и в большинстве тюркских языков, склонен к ослаблению и переходит в свою звонкую пару «ғ». Ср.: др.-тюрк. *toquz* ‘девять’ (ДТС, 578) – баш. *туғыз*, др.-тюрк. *buqa* ‘бык-производитель’ (ДТС, 125) – баш. *буга* ‘астр. Телец’, др.-тюрк. *jaqa* ‘ворот, воротник’ (ДТС, 237) – баш. [йаға] (дем., сакмар., сев.-зап. диал. [йака]), др.-тюрк. *baqana* ‘столб’ – баш. *багана* (однако: *бакан* в значении ‘шест, столб’); др.-тюрк. *saqın-* ‘грустить, беспокоиться, заботиться’ (ДТС, 486) – баш. *һағын-* ‘тосковать’ и др.

Пре- и постконсонантный «к» в инлауте в говорах башкирского языка устойчив, и ослабление его встречается sporadически. Например: др. гов. (лит.) *аңкау* ‘твердое небо’ – нижнеб.-ык. [аңғау]; др. гов. (лит.) [йақыш] ‘хороший, приятный, добрый’ – оренб., среднеурал. [йахшы]; др. гов. (лит.) *оқишатыу* ‘сравнивать, сделать похожим’ – дем. [охшатыу], др. гов. (лит.) *ақһак* ‘хромой’ – дем. [ахсак]; средн., дем., арг., миас., сальют., среднеурал. [йуркан] – др. гов. (лит.) *юрган* ‘ватное одеяло’ и др.

В башкирском языке фонема [ɣ] в инициале развилась на собственной основе. В исконной лексике согласный «ғ» встречается только с гласными заднего ряда в основном в звукоподражаниях и образованных от них словоформах, например, *ғыр* ‘подр. храпу’, *ғырлау* ‘хрипеть, храпеть’, *голҡолдау* ‘булькать (напр., в горле при глотании)’, *ғолдорлау* ‘вкочтать (об индюке, тетереве и т.п.)’, *ғомборлау* ‘падать в воду с глухим шумом’, *ғыршлау* ‘хрупать, хрустеть’ и др.

Пратюркский $*-ɣ-$ в башкирском языке фрикатизировался в сонорные «w», «й» (в зависимости от рядности гласных) или вообще выпал. Ср.: пратюрк. **aɣuɣā* ‘рот, устье’ – др.-тюрк. *ayız* ‘рот’ – баш.

[awыз] ‘рот’; пратюрк. **q(‘)oyul* ‘дупло’ – др.-тюрк. *qoyış* ‘желоб для воды’ – баш. [кыуыш] ‘дупло; шалаш’; пратюрк. **eγ(i)r-* ‘гнуть’ – баш. [эйew] и др. Такая же картина наблюдается в большинстве кыпчакских языков, что может говорить о пракупчакском уровне перехода $-γ- > w, j$.

Третья глава – «Специфические согласные башкирского языка» – включает в себя три раздела.

Первый раздел посвящен истории изучения специфических звуков башкирского языка.

По вопросу происхождения звуков «h», «ç» и «з» в тюркологии есть различные точки зрения.

Первую гипотезу высказал Н.К. Дмитриев: “Относительно туркменского языка есть гипотеза, что появление здесь «ç» и «з» нужно объяснить иранским субстратом, поскольку в средневековом иранском языке (пехлеви) имелись оба соответствующих звука. <...> По поводу башкирского языка допустима также “иранская” гипотеза: она может быть поддержана не только данными материальной культуры, которые создали в сравнительно недавнее время иранскую гипотезу происхождения башкир, но и некоторыми лингвистическими факторами, как, например, характерный для башкирского языка переход $c > h$, который, правда, типичен не только для иранских, но также для якутского и монгольских” [1948; 2007, 24]. Позднее эта гипотеза была взята под сомнение самим Н.К. Дмитриевым [1955, 251].

Каким был язык сарматских племен, заселявших территорию Южного Урала, не ясно. Непосредственным преемником скифо-сарматского языка, входящего в северо-восточную ветвь иранских языков, считается осетинский язык. Однако в последнем не был осуществлен переход $*s > θ (>h)$, как в западно-иранских языках. Для древнеиранского языка была характерна также рефлексация $θ$ от древнеиндоевропейского $*t$, что не свойственно для башкирского языка [Основы иранского языкознания 1979, 29]. Однако, по другой точке зрения, скифо-сарматы были, скорее, тюрками [Закиев, 2011].

Следующую гипотезу выдвигает Т.Г. Баишев, который связывает происхождение башкирского «h» под влиянием монгольских языков [1955; 2007, 22-23]. Диалектолог в своем предположении исходит из данных материала «Мукаддимат-ал-Адаб» (XIII-XIV вв.), где в изобилии присутствовал в начале слов звук «h». Однако лексический материал является малодоказательным в объяснении исторического развития языка, тем более что анлаутный $*h-$, фиксируемый в данном словаре, восходит к праалтайскому $*p$ или

**p'*. Многие ученые (И.Д. Бураев, В.И. Рассадин, И.Б. Цыдендамбаева и др.) переход $c > h$ не считают особенностью монгольских языков.

М. Ряснен отмечает, что внутри и в абсолютном исходе слова во многих диалектах башкирского и туркменского языков «с» переходит в межзубный «с̣», «з» – в межзубный «з̣». Он объясняет это сходство тем, что башкиры и туркмены были некогда непосредственными соседями и только позднее были территориально разделены казахами [1961, 76-77]. С выводами М. Ряснена не согласен Б.А. Серебренников: “Подобное сравнение вряд ли можно назвать удачным. В туркменском языке любое «с» произносится как межзубный «с̣», и любое «з» произносится как межзубный «з̣». Следовательно, здесь мы имеем дело с фронтальным изменением артикуляции древних «с» и «з», тогда как в башкирском языке межзубная артикуляция обусловлена позиционно. Помимо того, превращение «с» и «з» внутри и в конце слова в межзубный «с̣» и «з̣» в башкирском языке связано с более общей тенденцией к спирализации целого ряда древних согласных” [Серебренников 1963, 17-18]. Б.А. Серебренников склонен к венгерской гипотезе происхождения фарингального «h» в башкирском языке исходя из проявления общих черт по переходу $*s > h$ в обоих языках.

Кроме иранской гипотезы Н.К. Дмитриева, в башкирском языкознании распространена теория спирализации Дж.Г. Киекбаева, которая нашла признание в лице многих башкироведов. По утверждению Дж.Г. Киекбаева, спиранты «h», «с̣» и «з̣» появились на основе сильной тенденции к спирализации звуков $*s$ и $*z$ пратюркского языка, вне влияния языков другой системы.

Если говорить о каком-либо субстратном происхождении специфических звуков башкирского языка, то, на наш взгляд, более вероятна теория финно-угорского влияния. Так как переход $*s > \theta$ был в языке обских угров, некогда проживавших на территории Урала и Западной Сибири. “В пра-обско-угорском происходил переход $*s > \theta$ в любой позиции; распад пра-обско-угорского датируется серединой первого тысячелетия н.э.” [Дыбо 2010, 99]. Переход $c > \varsigma$ мог повлиять на переход $z > \zeta$. Соседние племена некогда называли башкир *истяк*, *иштяк*, а ханты были ранее известны под названием *остяки*, *обские остяки*. Таким образом, башкир с обскими уграми связывает и общность этнонима *истяк*, *остяк*.

Исходя из вышесказанного, трудно однозначно определить характер происхождения специфики башкирского языка. Вероятно, развитие специфических согласных башкирского языка «h», «с̣» и «з̣» связано с географическим расположением прародины башкир.

Изменение $s > h$ произошло в языке финно-угорских племен, проживавших на территории Южного Урала, по крайней мере, следы такого произношения обнаруживаются в финском-суоми и венгерском языках, переход $*s > \theta$ осуществлен в пра-обско-угорском, а также в ряде других языков Евразии.

Во втором разделе рассматриваются артикуляторно-акустические характеристики так называемых “межзубных” «с» и «з» и их распределение по говорам. Эти особые звукотипы башкирского языка, определяемые как интердентальные, в действительности переднеязычные апикальные и дорсальные по активному органу речи, а по пассивному – дентальные или альвеолярные (в зависимости от позиции в слове). По соматическим и аудио-визуальным данным, полученным нами, характерной особенностью их является форма щели. Если у обычных «с», «з» она круглая, то «с», «з» – плоская. Отсюда специфическое произношение, похожее на межзубный.

По говорам башкирского языка «с» имеет различное распределение. Особо характерен данный согласный демскому говору южного диалекта, где он выступает на месте литературных «h» и «с»: др. гов. (лит.) *һыйыр* ‘корова’ – дем. [сыйыр], др. гов. (лит.) *һары* ‘желтый’ – дем. [сары], др. гов. (лит.) *һигез* ‘восемь’ – дем. [сигез], др. гов. (лит.) *акһак* ‘хромой’ – дем. [аксак], др. гов. (лит.) *тунһа* ‘порог’ – дем. [тупса]; др. гов. (лит.) *саңғы* ‘лыжи’ – дем. [саңға], др. гов. (лит.) *сирак* ‘голень’ – дем. [сирак], др. гов. (лит.) *сүс* ‘волокно’ – дем. [сүс] и т.п.

Аргаяшский говор специфичен тем, что в нем происходит взаимозамена плоскощелевых согласных, т.е. этимологический «с» переходит в «з», а «з» – в «с». Ср.: др. гов. (лит.) *эсе* ‘горячий’ – [эзе]; др. гов. (лит.) *һоҫоу* ‘черпать’ – [һозоу]; др. гов. (лит.) *кеҫә* ‘карман’ – [кезә], др. гов. (лит.) *тотмаҫ* ‘не задержит’ – [тотмаз]; др. гов. *кәҫ* ‘дерн’ – арг. [кәз]; др. гов. (лит.) *бизгәк* ‘малярия’ – [биҫкәк], др. гов. (лит.) *тезген* ‘поводья’ – [теҫкен]; др. гов. (лит.) *козгон* ‘ворон’ – [коҫкон] и др.

В среднеуральском также, как и в аргаяшском говоре, происходит озвончение инлаутного «с».

Пратюркский $*\text{-}\delta\text{-}$ в башкирском, как и в большинстве тюркских языков, перешел в $-\text{й-}$ (пратюрк. $*\text{аду-}$ – среднетюрк. *азир-* ‘отличать; отделять; выбирать, выделять’ (МК, 200) – баш. *айыр-* ‘различать’; пратюрк. $*\text{адуу}$ ‘медведь’ – среднетюрк. *азиг* (МК, 97) – баш. *айыу*; но пратюрк. $*\text{адуу-}$ ‘жеребец’ – среднетюрк. *азғыр* (МК, 126) – баш. *айғыр*), тогда как “в хакасском, шорском, чулымском,

сарыг-югурском (авт. отмечается) переход в свистящий спирант –з-, в чувашском переход в –й- и –р-“ [СИГТЯ 2006, 23].

Плоскощелевой «з» является рефлексом общетюркского –z- (< пратюрк. *-r-), который сохраняется в говорах северо-западного диалекта: пратюрк. *aʁyɣ ‘клык’ – др.-тюрк. azyu (ДТС, 72) – баш. azaу (сев.-зап. диал. azaу); пратюрк. *buʁa-gu ‘теленос’ – др.-тюрк. buzaуи (ДТС, 130) – юж. диал., вост. диал. (лит.) бызау – сев.-зап. диал. [бозоу]; пратюрк. *qiril ‘красный’ – др.-тюрк. qizil (ДТС, 439) – юж. диал., вост. диал. (лит.) кызыл – сев.-зап. [кызыл] и т.д.

Третий раздел посвящен описанию специфического согласного «һ».

В некоторых говорах восточного диалекта фарингальный «һ» употребляется очень активно, выступая вместо инлаутного и ауслаутного «с» (< пратюрк. *-s-) литературного языка. Ср.: юж. диал. (лит.) ошта ‘мастер’ – кар.-кипчак, бурзян., сальют. [ohta]; юж. диал. (лит.) кыска ‘короткий’ – сальют., кар.-кипчак. [kyhka]; юж. диал. (лит.) уса ‘растет’ – среднеурал. [yhə]; юж. диал. (лит.) иса ‘дурак’ – кыз., арг. [ihəp] – сев.-зап. диал. [исəp]; юж. диал. (лит.) [йес] ‘запах’ – сальют. [йeh], юж. диал. (лит.) бармас ‘не пойдет’ – кар.-кипчак., бурз. [бармах]; юж. диал. (лит.) тупас ‘грубый’ – кар.-кипчак., бурз. [тупах] и т.д.

Широкое употребление фарингальный «һ» получил в сальютском говоре восточного диалекта, так как здесь он заменяет не только согласный «с» (< пратюрк. *s), но и его звонкий коррелят «з» (< общетюрк. z < пратюрк. *ʁ). Ср.: сев.-зап. диал. [озон] – юж. диал., вост. диал. (лит.) озон ‘длинный’ – сальют. [oһon]; сев.-зап. диал. [кызы] – юж. диал., вост. диал. (лит.) кызы ‘его (ее) дочь’ – сальют. [kyһy]; сев.-зап. диал. [кызыл] – юж. диал., вост. диал. (лит.) кызыл ‘красный’ – сальют. [kyһыл], сев.-зап. диал. [сүз] – др. гов. (лит.) һүз ‘слово’ – сальют. һyh; сев.-зап. диал. [сез] – др. гов. (лит.) һез ‘вы’ – сальют. һeh; сев.-зап. диал. [аз] – др. гов. (лит.) аз ‘мало’ – сальют. аһ и т.п.

В заключении подводятся итоги сравнительно-исторического анализа консонантизма башкирского языка.

1. Фонетическая система башкирского языка имеет длинную и сложную историю формирования. В ней наблюдается как сохранение архаических черт, так и функционирование инновационных явлений.

2. Консонантизм башкирского языка демонстрирует общие явления с языком древнетюркских текстов, а также с современными тюркскими языками.

3. Дialeкты башкирского языка специфичны и характеризуются многочисленностью цепочек звуковых переходов и соответствий, таких как $t > d > z$ (z) $> й$, $й \sim ж \sim з \sim d \sim c$, $з \sim d \sim з \sim c \sim й$ и др.

4. Башкирский язык имеет лингвоэтнические связи с юга с казахским, с северо-запада с татарским, а с востока сибирско-татарским языками.

5. В системе консонантизма башкирского языка обнаруживаются следы субстратных и (или) контактных явлений с финно-угорскими языками.

В конце диссертации дается список используемой в работе литературы, условных сокращений.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

Научные издания:

1. Н.С. Уртегешев, Ф.Г. Хисамитдинова, Л.К. Ишкильдина. Атлас артикуляторных настроек согласных восточного диалекта башкирского языка. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. – 104 с.

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК:

2. Ишкильдина Л.К. Фонема [б] в башкирском языке: функционирование, история развития / Л.К.Ишкильдина // Вестник БашГУ, 2011, том 16, ном. 2. С. 374-378.

3. Ишкильдина Л.К. Фонема [п] башкирского языка: диахрония, позиционно-комбинаторные изменения / Л.К.Ишкильдина // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. № 5 (19), сентябрь – октябрь, 2011. С. 297-299.

4. Ишкильдина Л.К. Билабиальная [м] башкирского языка: функционирование, история развития / Л.К.Ишкильдина // Социально-гуманитарные знания, 2011, № 9. С. 277-284.

5. Ишкильдина Л.К. Фонема [д] в башкирском языке: функционирование, история развития / Л.К.Ишкильдина // Вестник ВЭГУ № 4 (60). Уфа: Типография Академии ВЭГУ, 2012. С. 152-156.

Статьи в других научных изданиях:

6. Ишкильдина Л.К. Вопрос о первичности башкирских согласных *б* и *п* / Л.К.Ишкильдина // Филологическое образование:

история, современность, перспективы. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Стерлитамак, 2009. С. 190–191.

7. Ишкильдина Л.К. К вопросу изучения происхождения специфических башкирских звуков *h*, *ç* и *з* / Л.К.Ишкильдина // Феномен Евразийства в материальной и духовной культуре, этнологии и антропологии башкирского народа. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, проводимой в рамках разработки 7-томного издания “Истории башкирского народа”. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2009. С. 203-205.

8. Ишкильдина Л.К. Функционирование фонемы [w] в башкирском языке и история ее развития / Л.К.Ишкильдина // Урал-Алтай: через века в будущее: Материалы IV Всероссийской конференции, посвященной III Всемирному курултаю башкир. – Уфа, 2010. С. 141-144.

9. Ишкильдина Л.К. Артикуляторные характеристики губных согласных звуков башкирского языка, обозначаемых графемами в, у, ф / Л.К.Ишкильдина // Урал-Алтай: через века в будущее: Материалы IV Всероссийской конференции, посвященной III Всемирному курултаю башкир. – Уфа, 2010. С. 326-330 (в соавторстве с Н.С.Уртегешевым).

10. Ишкильдина Л.К. “Жоканье” как специфика и этап формирования северо-западного диалекта башкирского языка / Л.К.Ишкильдина // Городские башкиры: проблемы языка и демографии. Материалы VI межрегиональной научно-практической конференции, посвященной III Всемирному курултаю башкир, 2010. – Уфа, С. 144-147.

11. Ишкильдина Л.К. Чередование анлаутных фонем [й] и [ж] в диалектах и говорах башкирского языка / Л.К.Ишкильдина // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы X региональной конференции. – Уфа, 2010. С.109-113.

12. Ишкильдина Л.К. Фонема [w] башкирского языка: функционирование, история развития, артикуляторные характеристики (по данным томографирования) / Л.К.Ишкильдина // Тумашевские чтения: актуальные проблемы тюркологии. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. – Тюмень: изд-во «Печатник», 2010. С. 442-446 (в соавторстве с Н.С.Уртегешевым).

13. Ишкильдина Л.К. Фольклорный материал как источник изучения истории башкирского языка / Л.К.Ишкильдина // “Урал-батыр” и духовное наследие народов мира: Материалы II Международной научно-практической конференции, посвященной

Году укрепления межнационального согласия в РБ. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. С. 204-205.

14. Ишкильдина Л.К. Принципы классификации диалектов и говоров башкирского языка / Л.К.Ишкильдина // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы XI Межрегиональной конференции. – Уфа, 2011. С. 103-105.

15. Ишкильдина Л.К. Артикуляторные параметры реализаций башкирских согласных звуков, обозначаемых графемами т и д / Л.К.Ишкильдина // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы XI Межрегиональной конференции. – Уфа, 2011. С. 174-178 (в соавторстве с Н.С.Уртегешевым).

16. Ишкильдина Л.К. Фонема [ф] башкирского языка: ее реализация и история происхождения / Л.К.Ишкильдина // Этногенез. История. Культура: I Юсуповские чтения. Материалы Международной научной конференции, посвященной памяти Р.М. Юсупова. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. С. 113-115.

17. Ишкильдина Л.К. Чередования $h \sim \varsigma \sim \zeta$ в говорах и диалектах башкирского языка / Л.К.Ишкильдина // Актуальные проблемы истории, языка и культуры Башкортостана / Сборник научных трудов молодых ученых ИИЯЛ УНЦ РАН. IV выпуск. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. С. 48-50.

18. Ишкильдина Л.К. К проблеме ротацизма в башкирском языке / Л.К.Ишкильдина // Городские башкиры: традиции и современное общество: Материалы VII Межрегиональной научно-практической конференции. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. С. 195–198.

19. Ишкильдина Л.К. Позиционно-комбинаторные реализации фонемы [з] башкирского языка / Л.К.Ишкильдина // Урал-Алтай: через века в будущее: Материалы V Всероссийской тюркологической конференции, посвященной 80-летию Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. – Уфа, 2012. С. 47-49.

20. Ишкильдина Л.К. Фонетические процессы в начале слова в башкирском языке / Л.К.Ишкильдина // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы XII региональной конференции. – Уфа, 2012. С. 83-84.

21. Ишкильдина Л.К. Фонема [б] в башкирском языке: позиционно-комбинаторные реализации, история развития / Л.К.Ишкильдина // Профессор Н.Ф. Катанов җәне түркітану мәселелері. Халық аралық ғыл.-теор. конф. материалдары. I бөлім. – Орал, 2012. С. 147-153.

Подписано в печать 13.05.2013 г.

Формат 60х84/16. Усл. печ. л. 1,5

Тираж 150.

Отпечатано на ризографе с готового оригинал макета

ООО “Деловая династия”

г. Уфа, пр. Октября, 71, тел. (347)235-60-50